

ТВ парк, -1996.- 16-22 дек.
- е.10,11

Машков Владимир 22.12.96

За звездные роли в «Лимите», «Подмосковных вечерах», «Американской дочери» его назвали секс-символом. На его новую постановку «Трехгрошовой оперы» нельзя попасть. Он не ходит, а пролетает по театральному коридору в своем черном длинном пальто. Он, кажется, снова влюблен и совершенно счастлив.

-Как называется фильм, который так долго мешал нам встретиться?

— «Вор». Его делает Паша Чухрай.

— **Вы все время так живете: день — на съемках в Ярославле, день — на спектакле в Москве, а ночь — на колесах, туда — обратно?**

— Привыкнуть к этому нельзя, но, как говорится, двести километров для бешеной собаки — не крюк.

— **Есть ли что-то, чего вы постоянно не успеваете?**

— Проснуться. Сплю самое большое — часов пять-шесть.

— **А какие еще дела вы сейчас делаете?**

— Я недавно заметил, что своим языком уничтожаю свои же дела и планы. Говорю, говорю, и они исчезают, перестают быть интересными. Ну, куча всего. Пишем с другом сценарий и пьесу. Есть бредовое предложение немцев — сделать оперу, настоящую. Глинка, «Жизнь за царя». Вот видите, я сказал, и теперь это не случится.

— **Кто вы нынче: актер или режиссер?**

— Я — это я. Никогда не чувствую себя ни актером, ни режиссером, а в связи с этим — и комплексов никаких.

— **Кто такой «Я», вы себе формулируете?**

— Время не пришло. Хотелось бы двигаться вместе с развитием природы.

— **Последняя бытовая проблема, которую вы решали?**

— Нет у меня бытовых проблем. И когда квартиры не было, я не переживал. Долго-долго жил в общежитии. Сейчас квартира есть благодаря театру и лично Табакову, но я опять же долго не въезжал. Столько лет был без своего дома, что отвык от этого. Да и вообще практически не переношу состояния одиночества, изоляции...

— **А также необходимости покупать мебель, ковры, посуду, да?**

— Да, очень этого не люблю. Хотя, с другой стороны, обожаю мещанство. Вот чтобы были занавесочки. У меня занавеска появилась неделю назад. Первая.

— **Так что, вы только переезжаете?**

— Год уже живу, но могу всех разочаровать: люстры у меня нет. Голая лампочка висит. Причем лампочка поражает: вот сколько живу в этой квартире, столько она и работает. То есть хорошие у нас лампочки. А еще у меня хронически не было кровати. Но это не самая необходимая вещь на свете.

— **На чем же вы спали?**

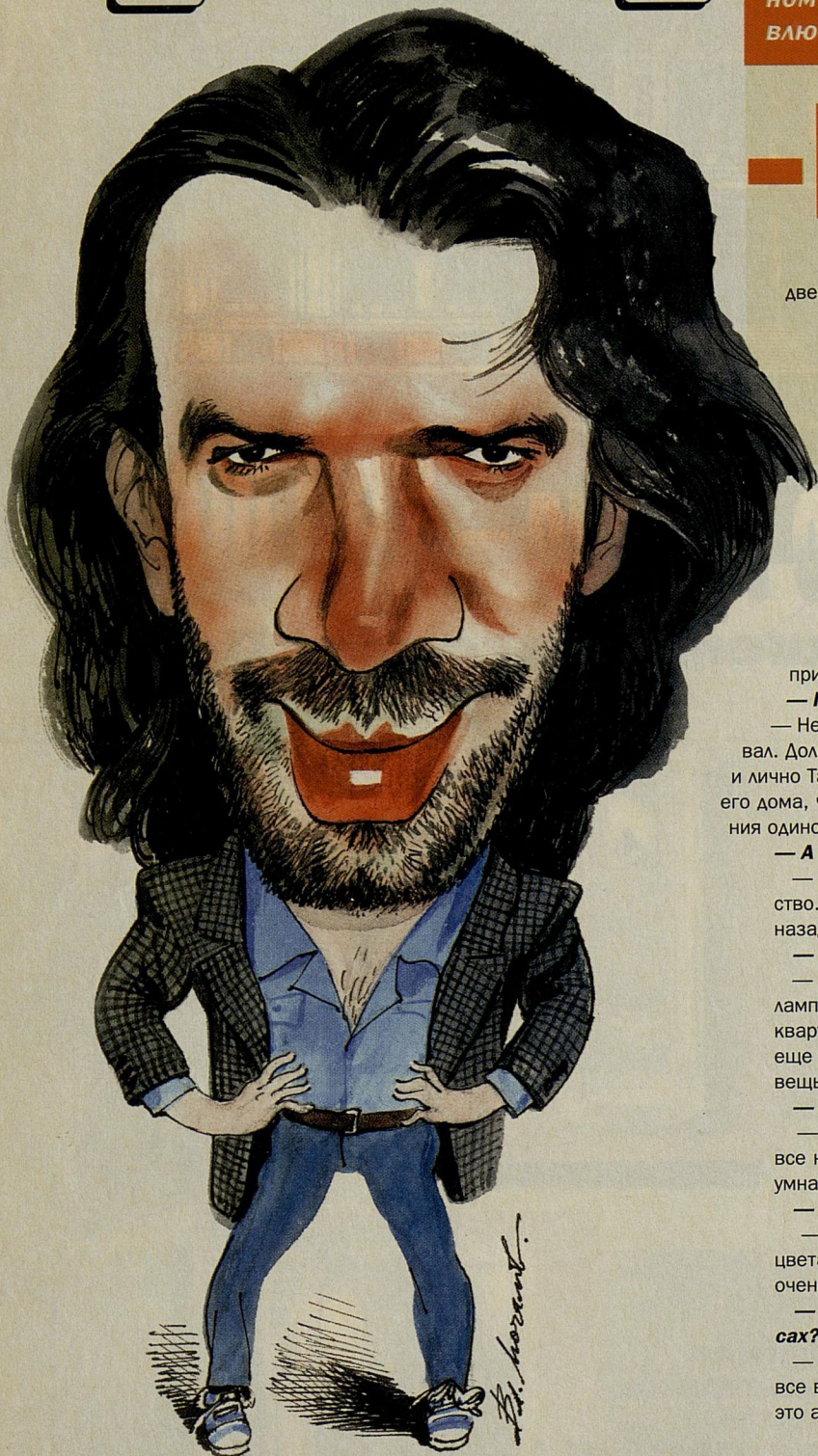
— Была куча разбросанных подушек... Хотя хорошо, конечно, когда все налажено. В доме теперь какие-то машины появляются. Допустим, умная машина — холодильник.

— **А автомобиль?**

— Он у меня обыкновенный, советского производства, вишневого цвета. Раньше имелся очень наглый, белый и иностранный, а когда на очень наглых стали ездить все, я сменил.

— **Как вы себя лучше чувствуете: во фраке с бабочкой или в джинсах?**

— Я чувствую себя неловко в джинсах, когда все в бабочках. Если же все в джинсах, а я в смокинге, тогда более спокойно. Но само по себе это абсолютно без разницы.

М А Ш К О В

В «ненаглом» «Москвиче»

— Где вы одеваетесь?

— В шкафу. И не намекайте, что у меня может быть свой стилист. Так и передайте: дорогой народ, стилиста нет и никогда не будет. Меня вообще от этого слова начинает подтрясывать.

— А магазины?

— Мне неловко, но в магазины я не заходил уже очень давно. Знаете, как сейчас: «Я одеваюсь за границей». Так вот, я тоже одеваюсь за границей. В Таллине на гастролях. Перед спектаклем делать нечего: «Ну, пойдем купим по пиджаку». И мы идем, как дураки, и покупаем по пиджаку.

— То есть все у вас в жизни спонтанно. А что вы любите есть?

— Все. Я вообще есть люблю. У меня мечта такая: стать толстым и красивым, как папа. Папа весил сто тридцать килограммов. Но сейчас мне нельзя — снимаюсь. А в кино — время сразу после войны, пятьдесят второй год. Так Паша Чухрай подходит: «Можешь сбросить еще немножко, чтоб у тебя совсем лица не было?».

— На диете сидите?

— Диеты эти... Друзья мои, хотите похудеть — не ешьте, и все. Через три дня желудок усыхает и пищи принимает мало.

— А пить при этом можно?

— Пить всегда можно. Ведь чем отличается русский человек? За границей существует традиция выпивания в ресторане, а мы сами придумываем себе места. Очень неплохое место около «Новороссийска». Там есть якорь такой железный, особенно удобный вечером, в районе двенадцати. А с какой ностальгией я вспоминаю, как год назад мы с друзьями выпивали в Новосибирске в беседке в детском саду!

— А почему не на даче с бассейном? Это же сейчас принято?

— Категорически не хочу ни дачи, ни бассейна.

— Чего же хотите?

— Такая простая вещь — чтобы рядом был человек, с которым нормально.

— Ваша жена только заботится о вас или где-то работает?

— Таня только закончила институт, Академию культуры, причем в другом городе. Она не москвичка.

— С ней вы тоже будете жить по принципу «с милым рай в шалаше»?

— Я сейчас еду в Ярославль, там многие люди живут в бараках. Не самое веселое впечатление. Так что шалаш — перебор. Это я неприхотливый и вообще бродяга, а другому существу, особенно женского пола, должно быть тепло и уютно.

— Не боитесь недодать этого Тане при вашей безумной занятости?

— Делаю все, чтобы такого не случилось. Не забываю никогда — ни на сцене, ни в жизни. Не может быть, чтобы я впал в та-а-кое творчество и был на-а-столько увлечен, чтобы забыть и задумать всех людей, которые рядом. Мы же несем за них ответственность.

— Рядом с вами много людей?

— Есть близкие, друг, товарищи. Есть очень хорошие друзья в Новокузнецке, Новосибирске, Кемерово — там, откуда я приехал. Все время поддерживаю с ними контакт, звоню по любой глупости.

— А дети?

— Замечательная дочь Маша, одиннадцать лет. Сейчас она, кажется, будет сниматься в кино. Я этому никак не способствовал.

— О чем вы мечтали в детстве?

— О маленьком бильярде с железными шарами. О нейлоновой белой рубашке. О шелковом пионерском галстуке. Нас в Шушенском принимали, у того самого шалаша. Я был отстающий, меня взяли только за папу с мамой, работавших в кукольном театре, и взяли скоропостижно, в последний момент. А шелковый галстук, такой блестящий, простроченный, самый писк, — это был большой дефицит. И мне купили простой, тряпчатый, из хлопка. Как я был расстроен! Зато у меня была лучшая шапка, кроличья, белая. Но она радовала меньше.

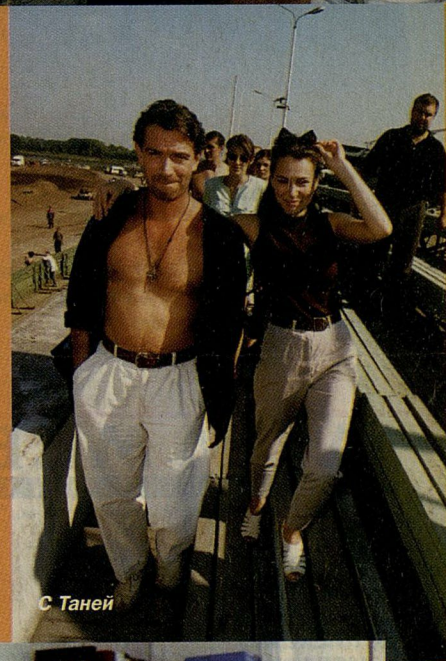
— Остальные мечты сбылись?

— Да.

Екатерина Тарханова

С Константином Райкиным на репетиции «Трехгрошовой оперы»

С Таней

Американская дочь

СУББОТА. С.-ПЕТЕРБУРГ. 12.10

Шумахер ты наш!